

18+

НЕРА БУРМЕ

ТАЙНА
МАРИНКИНОЙ БАШНИ

Нера Бурме

Тайна Маринкиной башни

«Издательские решения»

Бурме Н.

Тайна Маринкиной башни / Н. Бурме — «Издательские решения»,

В романе «Тайна Маринкиной башни» читатель погружается в уникальный мир, где реальность переплетается с мистикой, а обыденные события открывают двери в удивительное. Главный герой оказывается в центре загадочных событий, которые происходили задолго до его рождения и связаны с таинственной башней Коломенского кремля. В этом увлекательном путешествии читатель столкнется с искаженной реальностью, где каждое решение может изменить ход событий, а тайны прошлого откроют новые горизонты.

© Бурме Н.

© Издательские решения

Содержание

I. Мосты судьбы	6
Начало нового пути	6
Чудо на реке	17
Глухая тоска	25
Усадьба Анино	30
Пионерский лагерь «Рассвет»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тайна Маринкиной башни

Нера Бурме

© Нера Бурме, 2026

ISBN 978-5-0069-7676-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю эту книгу моей матери – коренной жительнице подмосковного города Коломны – и всем людям, пережившим трудные времена, вдохновлявшим город на возрождение и дарившим надежду будущим поколениям

I. Мосты судьбы

Начало нового пути

В марте 1865 года 32-летний Аманд Струве с братом Густавом и Антоном Ивановичем Лессингом, купцом 1-й гильдии, прибыл в Коломну. Немецкие корни, коммерческие способности, решительность этих мужчин были направлены на развитие железных дорог и транспортной системы в царской России. Молодые военные инженеры не хотели упускать такой возможности, как строительство железнодорожного моста через реку Оку, и отбили заказ у французской фирмы, предоставив русской казне смету ниже по стоимости, чем у французов. После скрупулезных расчетов братья Струве пришли к выводу, что дешевле будет изготавливать металлические части моста в России, нежели возить их из-за границы.

Трое мужчин сошли на платформе железнодорожной станции в трех километрах от города Коломна у села Боброва. Братья Струве понимали, что капиталы Лессинга весьма кстати. Свои первые деньги Антон Иванович заработал, наладив собственное фабричное производство подков на механических станках, и потом вложил их в предприятие братьев Струве по выпуску металлических конструкций для железнодорожных мостов, обеспечив мощную финансовую поддержку заводу в будущем.

Однажды в начале осени, когда воздух звенел хрустальной прохладой и листва, тронутая багрянцем и золотом, шуршала под ногами, словно шептала древние сказки, Антон Иванович Лессинг, прогуливаясь по дороге, ведущей от окраины деревни к усадьбе, в которой он гостил, нашел подкову, слетевшую с копыта лошади. Он не сразу заметил, как вырос рядом с ним мужик в синем кафтане, с седой бородой, с изборожденным глубокими морщинами лицом. В руке он держал длинную палку, за плечами котомку. Мужик поклонился в пояс, перекрестился, снял шляпу и произнес:

– Не погуби, батюшка, выслушай меня.

Покачал головой, и морщины на его лице стали еще глубже, словно вырезанные самой жизнью. Его глаза, несмотря на старость, горели каким-то внутренним огнем, пронзительным и беспокойным.

– Нечего тут понимать, батюшка, – проскрипел он голосом, похожим на шелест осенних листьев. – Слушай меня лешего, что доброе говорит. Подкова эта – не просто железака с копыта. В ней судьба коня заключена, сила его. И коли ты ее нашел, то тебе и власть над судьбой дана.

Он снова поклонился, на этот раз еще ниже, почти касаясь земли войлочной шапкой.

– Не упусти шанс. Сплюнь на подкову, чтобы зло отвести. Желание загадай самое сокровенное, самое жгучее, что в сердце таится. И брось ее подальше от себя, через плечо левое. А потом иди своей дорогой, не оборачиваясь. Иначе все прахом пойдет, в пыль рассыпется.

Через несколько лет старинная примета, пусть и косвенно, но действительно принесла Антону Ивановичу богатство и славу. Теперь его знали не как скромного купца 1-й гильдии, а как успешного промышленника, который разбогател, отладив фабричное производство конно-подковных гвоздей. И вот, стоя на платформе железнодорожной станции в трех километрах от уездного города Коломна, у села Боброва, вместе с Амандом и Густавом Струве, Антон Иванович ощутил спиной холодный острый мартовский ветер, и в памяти его, словно отголосок далекого звона колокольчика, всплыли картины прошлого. Он вспомнил, как робкими, но уверенными шагами начинался его путь к славе и богатству, путь, пронизанный упорством и верой в свои силы. Воспоминания нахлынули волной, окрашивая багряные закатные лучи, игравшие на лицах его спутников, в оттенки ностальгии и гордости за пройденный путь.

Воздух был наполнен запахом талой воды, набухающих почек и свежего хлеба. Крестьяне села Боброва встречали гостей радушно и хлебосольно. Мужики кланялись в пояс, их лица светились любопытством и надеждой. Бабы падали на колени, вознося благодарственные молитвы за столь важных гостей. Детишки веселились, словно на ярмарке, ходили колесом вокруг приезжих, как маленькие юркие волчки. Самые бойкие требовательно заглядывали в глаза господам, дергали за рукава военных камзолов, расшитых золотом. Мальчишки явно проявляли желание пристроиться служить без жалования, за харчи и наградные. Каждый из них мечтал стать частью чего-то большего, чего-то нового, что, казалось, привезли с собой эти важные господа. В их глазах читалась не только надежда, но и нескрываемый восторг перед блеском мундиров и обещанием перемен. Аманд на средства Антона Ивановича Лессинга приобрел у крестьян десять десятин земли и за короткое время соорудили временные мастерские на левом берегу Оки, у ее слияния с Москвой-рекой, где вскоре началось изготовление металлических ферм для строительства железнодорожного моста. Чуть позже была построена временная станция Ока-пристань, где выгружались детали будущего моста.

Откуда взялся Пашка в этих местах, мало кто знал. Он был беглым крестьянином – юношей, который, сбежав от тяжелого барского гнета, искал свободу и новую жизнь. Шестнадцатилетний парень с загорелым лицом и пронзительным взглядом оказался на строительстве высокой подходной насыпи. Так началась его взрослая жизнь – тяжелая, изнурительная работа бок о бок с другими крестьянами. Их труд оплачивался скромно – всего по пять копеек в день, но эти деньги были для них настоящим спасением. На скромные сбережения они вместе устроили плашкоутный мост¹ для пешеходов и гужевого транспорта, чтобы облегчить передвижение через реку. Этот временный мост стал жизненно важным для местных – по нему проходили жители, перевозились грузы. Водовозы перевозили воду на лошадях, на телегу грузили огромную бочку, в нее наливали воду из проверенных мест: в белые бочки наливали самую чистую и дорогую питьевую воду, в желтых бочках вода была ниже качеством и стоила дешевле, а в зеленых бочках возили воду для бытовых нужд.

Коломна, 25 июня 1863 г. Вид с рязанского берега р. Оки

Коломна, 5 ноября 1863 г. Строительные работы первого года сооружения моста подходят к концу

Каждый день два плашкоута, сцепленные якорями и специальными оттяжками с берега, дважды расцеплялись: в полдень на два часа и в полночь на четыре. В это время середина моста отводилась к берегу, открывая фарватер для прохода пароходов, буксиров и барж. Пашка и другие рабочие следили за движением – от того, как они справятся с организацией переходов, зависела не только безопасность, но и успех всей стройки. К весеннему паводку Пашка вырос еще на два аршина и возмужал – не только физически, но и душой. Его руки, привыкшие к лопатам и тяжелым бревнам, не боялись ни боли, ни усталости. Он знал, что именно здесь, среди бородатых и немых мужиков, начинается его новая жизнь – жизнь, за которую он боролся и которую не намерен был терять.

Коломна, 1863 г. Плашкоутный мост. Вид Старо-Голутвина монастыря с противоположного берега Оки

От левого берега реки Оки на песчаном мелководье вбивали уже к началу осени бревна-кругляки, которые обтесывали в столярных мастерских, на них настилали проезжую часть моста. В чугунном литейном цехе вагранки² – шахтные печи для плавки чугуна, рабочие работали круглосуточно с тяжелыми металлическими формами. Деревянные постройки кузнечных мастерских были низкие и темные с маленькими окнами, только в полумраке можно было разглядеть желто-красный оттенок раскаленной заготовки. Бороды кузнецов были густыми и черными от грязи и копоти, чтобы определить температуру металла, они подносили к бороде нагретую деталь, и волоски начинали трещать и закручиваться: не палит бороду – значит, металл можно ковать.

Аманд понимал, что после отмены крепостного права³ образовался рынок свободного наемного труда и увеличилось количество людей. Со всей России потянулись к нему в наем крестьяне, они собирались в рабочие артели. Когда стывшая зима 1863 года приостановила строительные работы по возведению железнодорожного моста на реке, мужики возводили временные рабочие лавки. Работа у братьев Струве была тяжелой, жили рабочие рядом с мастерскими в землянках. Пашка жил под навесом из ящиков, жердей и тому подобного хлама, видами и размерами напоминавшем собою скорее собачью конуру или курятник. Рядом крутились на подмоге мальчишки из соседних деревень, всегда голодные, в грязной и оборванной одежде. Заработную плату мальчишки не получали. В фабричной лавке они приобретали необходимые вещи и еду, как бы в счет заработной платы или в кредит. Люди работали по 12—14 часов, поднимая металлические конструкции на высоту или укрепляя опоры моста в воде.

Это был самый большой мост в России. В феврале 1965 года через Коломну до Рязани пустили поезда. В народе закрепилось название моста Щуровский – по имени села Щурово. Кузнечные и столярные мастерские были разобраны. Ретирадники⁴, маленькие деревянные домики с дыркой в полу над выгребной ямой, к этому времени уже развалились. По всей территории распространялся зловонный запах нечистот. Начинались эпидемии, уносящие жизни

рабочих. Все стало приходить в упадок. Городские крепкие, хорошо одетые золотари⁵ на телегах с установленными бочками и плотно закрывающимися крышками, вооруженные большими ковшами, вывозили нечистоты за пределы мастерских и засыпали землей. Благодаря им удалось сдерживать распространение чумы и холеры среди рабочих.

Первые годы работал небольшой чугунолитейный цех, однако спустя некоторое время, когда все окрестные мосты были отстроены, Аманд Струве распорядился наладить производство вагонов. Аманд и Густав модернизировали чугунолитейные цеха, построили новые мастерские из кирпича, водонапорные башни и за короткий срок наладили производство товарных платформ и вагонов различного типа. Финансовую поддержку Аманду организовывал Антон Иванович Лессинг. Лессинг привез из Германии и Франции иностранных специалистов, которые стали начальниками новых цехов завода.

Коломна, 17 мая 1864 г. Строительные работы второго периода начались

19 февраля 1865 г. – прохождение первого поезда по железнодорожному мосту через реку Оку

Пашка выучился у местного дьяка письму и чтению, продвинулся по службе, а еще через несколько лет превратился в Павла Антоновича, уважаемого человека в Боброве. Женился на статной девице Агафье, что славилась своим рукоделием и кротким нравом. Завод рос, креп и ширился, а вместе с ним и рабочий поселок, где теснились домишки первых строителей.

Павел Антонович отстроил себе дом основательный, из липового сруба, чуть дальше от завода и железнодорожной станции, в месте, где еще чувствовалась близость природы и тишина полей. Дом пах свежим деревом, а внутри царил уют, создаваемый заботливыми руками Агафьи. Вокруг дома появились надворные постройки: просторный сарай для скотины, погреб для хранения припасов. Но главное украшение дома – две липы, посаженные с любовью и надеждой. Одна – прямо перед домом, чтобы тень ее прохладой укрывала в жаркий летний день. Другая – чуть дальше, за пределами двора, словно оберег, призванный защитить от дурного глаза и злых сил. Машенька – старшая дочь, смысленая и непоседливая – унаследовала от отца острый ум и живой интерес ко всему новому. Екатеринушка – младшая, тихая и задумчивая, как мать, – любила сидеть под липой, слушая пение птиц и наблюдая за танцем бабочек. Вечерами, после работы, Павел Антонович рассказывал дочерям сказки и истории о заводе, о новых изобретениях и о том, как труд многих людей приносит пользу всей стране. Агафья же, поглаживая его загрубевшие руки, подкладывала ему горячий пирог и наливала душистый липовый чай из самовара.

– Липушка наша, древо Богородицы, доченьки, – говорил он младшей дочери. – Когда Богородица спускается с небес на землю, она отдыхает на липе.

Машенька вместе с сестрой вешала на липу иконки и образки и верила, что именно на липе чаще всего являлись чудотворные иконы. «Липушка моя маленькая», – бормотала Екатеринушка и собирала в кулачок листья, похожие на сердечки. Сестры любили проводить

время в тени дерева, слушая пение птиц, поселившихся в ее ветвях, и ждали, когда липа вырастет.

Липа росла, Павел Антонович старел. Он стал болеть и переживал, что не доживет до следующего лета и не увидит больше, как липа зацветет.

В один из солнечных июньских дней он попросил открыть окно. Хотел попрощаться со своей липой. Екатеринушка помогла отцу переместиться к окну. Как только приоткрыли ставни, в комнату ворвался аромат цветущей липы, наполнив воздух нежным, сладким благоуханием. Он стоял на длинных ногах с торчащими коленками, которые просматривались сквозь белые кальсоны, залатанные кусками старой ткани, в белой мятой рубашке навыпуск, которая свободно ниспадала до бедер, слегка помятой и потертой от частой стирки. На широких манжетах вышиты геометрические узоры, а по вороту виднелась тонкая полоска льняной ткани, подчеркивающая аккуратную зашитую женой горловину. Поверх рубашки он надевал жилет из грубой шерстяной ткани с маленькими пуговицами, некоторые из которых давно потерялись, а на груди носил серебряный медальон с изображением святого. Его обросшие волосами плечи и торс были выщерблены и поседели чуть больше, чем голова, создавая впечатление человека, пережившего тяжелые времена. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, озарили его худое лицо, и седые длинные пряди волос заблестели на солнце. Он прикусил губу, пытаясь сдержать слезы. Словно прочувствовав его тоску, липа зашумела, как будто пыталась что-то сказать.

– Липушка моя, – прошептал он. – Как же ты хороша в этот час.

Екатеринушка, пододвинув к окну стулья, села рядом с отцом. Ее детские глаза сверкали от радости, и она никогда не упускала возможности любоваться распустившимися цветами. Павел Антонович, замороженный картиной, представил, как во времена своей молодости он сажал это дерево, мечтая о том, что однажды оно станет огромным и могучим. В нем поселятся птицы, рядом будут собираться дети, игриво лазая на ветвях.

– Когда-нибудь, – снова заговорил он, обращаясь к дереву, – я спрячу в твои корни свои богатства. Они будут ждать своего часа, когда любящий взгляд найдет их.

Он хранил в тайне от семьи на чердаке старый сундук под замком, набитый сокровищами. Никто никогда не интересовался, что было в сундуке. В каждом доме был сундук, и в нем хранились не только наряды, но и письма, фотографии, детские игрушки. Самодельные соломенные куклы, которые делали с любовью для детей, или вышитые полотенца, что передавались из поколения в поколение, только самые близкие могли увидеть их содержимое. Павел Антонович тоже хранил в дубовом сундуке свои тайны. Он знал, что после его смерти сундук могут открыть, и тогда... все, что он так тщательно оберегал, окажется на свету. Возможно, стоит оставить кому-то из близких записку, объясняющую его жизнь и решения, принятые в трудные моменты. Но что написать? Он не знал, как сформулировать свои переживания так, чтобы их смогли понять.

Павел Антонович вздохнул и продолжил хоронить свои чувства в той самой крепкой доске, из которой был сделан сундук. Дожив до старости, он так и не понял, что истинные ценности не всегда связаны с материальным и что каждый опыт, даже самый спорный, оставляет след в душе и навсегда делает человека пленником этого мира. Он не чувствовал ни капли сожаления о краже, которую совершил у Аманда Струве. Для него это был не просто противозаконный акт, а своеобразный вызов судьбе. Он знал, что в тот момент, когда он взял то, что не принадлежало ему, он не только обманул свою судьбу, но и открыл для своих потомков новые горизонты потустороннего мира, в которых он остался ни живым, ни мертвым, а вечно блуждающим в потемках стариком, навсегда связавшимся с тайной. Эти воспоминания о юности, о смехе и безрассудстве, о дерзости и искренности стали частью его сущности. Они жили в нем, наполняя каждый его день горькой бессмысленностью и напоминая о том, что иногда самые спорные поступки рожают самые глубокие перемены в жизни потомков. Павел Анто-

нович улыбнулся, осознавая, что именно в этой двойственности – между светом и тенью, прошлым и настоящим – кроется глубина его существования, его уникальная история.

– Когда-нибудь, – повторил Павел Антонович, – я расскажу тебе о своих богатствах.

Екатеринушка не понимала, о чем отец говорит. Ее мир был полон игр и сказок. Но одна фраза застряла в ее голове на всю жизнь, словно птичка, попавшая в клетку. «Скрытые сокровища». Она мечтала о том, как однажды сделает открытие и найдет все, что сможет перевернуть их жизнь.

– Отец, – произнесла она наконец, – а что, если мы отдадим дорогие тебе вещи этому дереву? Липа ведь тоже может хранить тайны.

Павел Антонович улыбнулся и кивнул. Он был уверен, что если не суждено в этом мире передать накопленные дары в правильные руки, то хотя бы крошечная частичка их останется с ним, под его липой, в сердце рядом с ним навсегда. В этот момент они оба почувствовали, как ветви липы обняли их, словно крепкие руки, готовые защитить. А на дворе распустившиеся в клумбах цветы начинали петь свои песни, наполняя воздух радостью и счастьем, которое, казалось, передавалось из поколения в поколение. И тут случилось чудо. Липа покрылась цветами. Этот расцвет, это чудо, казалось, воскрешало и его собственные воспоминания, далекие, как гудок паровоза, что доносился откуда-то издалека, из времен, когда жизнь кипела и бурлила, как расплавленный металл в заводских печах.

Механический и литейный завод инженеров братьев Струве, такое название завод носил с 1865 по 1870 гг.

Коломенский машиностроительный завод, такое название завод носил с 1870 по 1935 гг.
Вид с территории завода на главную контору

С тех пор завод стал именоваться «Механический и литейный завод инженеров братьев Струве», в цехах производили оборудование для железнодорожных станций, товарные и пассажирские вагоны, цистерны, платформы, локомотивы. Появились долгожданные блага, о которых прежде можно было только мечтать. Главным подарком для уставших рабочих стала баня. Горячий пар смывал не только заводскую копоть, но и усталость тяжелого дня. А для женщин, чьи плечи держали на себе весь домашний быт, настоящим спасением стала прачечная. Раньше белье кипятили в чугунных котлах, стирали до кровавых мозолей на руках, а теперь – за символическую плату! – можно было оставить грязное белье, а забрать чистое, благоухающее свежестью. Тяжелый труд, беспросветная работа – это все никуда не делось, но появилась маленькая скромная надежда на облегчение жизни.

Вид из Главной конторы на паровозомеханический, котельный и тендерный цеха, 1921 г.

Красное солнце багровело горизонт, окрашивая в теплые тона кирпичные стены Коломенского машиностроительного завода. Он рос и рос без остановки, словно дрожжевое тесто в кадке, вытесняя зелень полей новыми цехами. Гудели горны, лязгали станки, звенели молоты – жизнь бурлила в этом железном сердце маленького города. Он был не просто предприятием, он был живым организмом, определяющим судьбы тысяч людей. Он давал работу, кров, уверенность в завтрашнем дне. Он был идолом и кормильцем, диктующим правила и требующим подчинения.

От его цехов разбегались, словно кровеносные сосуды, улицы с однотипными деревянными домами, в которых жили заводские рабочие. Дома эти, одинаковые снаружи, хранили в себе калейдоскоп человеческих историй, драм и надежд. И именно этот завод, этот гигант, возвышался в людских снах небольшого древнего города. Ночью завод превращался в таинственное, опасное место. Огни в цехах мерцали, словно глаза чудовищ, а гудки становились их грозным рыком. Павел Антонович прислушался к последним звукам заводского гудка. Его лицо было суровым, с большим, выразительным носом, с морщинами, словно вырезанными солнцем и ветром. И вдруг на него обрушилась волна воспоминаний – юность, полная мечтаний и надежд, будто напротив в этот миг вспыхнул яркий маяк. Глубоко вздохнув, он осторожно потряс головой, словно отгоняя туман воспоминаний, и рукой провел по лбу, оставляя на нем тонкую сеть морщин, напоминание о тех бесконечных годах, проведенных на строительстве железнодорожного моста. Он снова вернулся в далекое прошлое: на завод, в усадьбу Аманда, в ту страшную летнюю ночь, которую он провел в лесу.

Павел Антонович почувствовал, как холодок пробежал по спине – те воспоминания были настолько живыми, будто лес опять стоит перед ним, густой и молчаливый, а звуки ночи шепчут забытые тайны. Там, среди темных сосен, он впервые увидел таинственную фигуру, скользнувшую между деревьями. Сердце билось так громко, что казалось, вся природа услышит его страх и удивление. Тогда он понял – в этой ночи что-то навсегда изменится. Сейчас, спустя много лет, завод был его крепостью, а те давние события и воспоминания – неразгаданной тайной, которая всегда сопровождала его, как тень. Кирпичные стены завода, гул станков, запах машинного масла – все это, как ни странно, давало ему чувство безопасности, ощущение контроля над хаосом. Он попытался крепче сжать кулак, отбросив мрак и сомнения. Но в глубине души Павел Антонович знал: та ночь в лесу была лишь началом пути, который не закончится для него никогда. Пути, на котором ему придется постоянно доказывать себе и миру, что он

достоин той жизни, которую построил. Пути, на котором он будет нести этот тяжелый груз – тайну, навсегда изменившую его.

Чудо на реке

Аманд встал ранним утром, умылся. Сегодня он собирался проверить работы по укладке железнодорожных рельс. Нужно быть на реке до полудня, чтобы все успеть. Аккуратность, надежность – вот что ценил Аманд. От этого зависела безопасность и прибыль. Он уже представлял себе картину: ровные блестящие рельсы, уходящие вдаль, словно стальные змеи, готовые нести повозки с углем и зерном. Он уже собирался позавтракать, когда в столовую вихрем ворвался дворовый слуга. Тот споткнулся о ковер и рухнул на колени, прижимая шапку к груди. Грязная борода его тряслась, а глаза были полны испуга и благоговения.

– Аманд Егорович! Не вели гневаться! Я пришел с вестью – невероятной вестью!

– Что случилось? Почему ты так взволнован? – вытирая губы расшитым красными петухами рушником, спросил Аманд с сильным немецким акцентом.

– На реке Москве появился... колокол! Огромный колокол!

– Колокол? Какой колокол? Ты смеешься надо мной?

– Нет-нет, господин! Это не шутка! Он весит пятьсот пудов! Все жители деревень выше по течению подтверждают – никто не видел, как он поплыл к нам!

– Пятьсот пудов? Это не шутка, а целая катастрофа! Как он мог оказаться на реке?

Перед усадьбой его уже поджидал фаэтон с легким откидным верхом. Кучер приготовился. Завидев Аманду, он выпрямился.

– В монастырь, как можно скорее, – бросил Аманд, запрыгивая в экипаж.

Фаэтон рванул с места, и Аманд откинулся на спинку сиденья, вглядываясь в убегающий пейзаж. В голове роились вопросы. Что заставило этот колокол появиться? Что он собой представляет? И, самое главное, какое будущее он предвещает его земле и его семье? Он чувствовал, что его жизнь, привычная и размеренная, навсегда изменилась с появлением этого чудесного колокола.

Его уже встречала братия монастыря, и вместе они направились к реке. По дороге к ним присоединялись крестьяне, возбужденно переговариваясь. Когда они достигли берега, Аманд увидел то, что заставило его сердце замереть. На реке, медленно плывя по течению, покачивался плот. А на плоту, словно царь на троне, возвышался огромный темный колокол. Его бронзовая поверхность мерцала в утреннем свете. Аманд замер, пораженный. Он никогда не был особенно религиозен, но зрелище этого колокола, внезапно явившегося из ниоткуда, заставило его задуматься. Что это – случайность, совпадение или действительно божественное знамение?

Стоя на берегу, Аманд не мог отвести взгляда от плывущего колокола. Крестьяне вокруг шептались, перекрещивались, и в их глазах читался неподдельный трепет. В воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь плеском воды и тихим гулом, казалось, исходящим от самого колокола. Наконец, очнувшись от оцепенения, Аманд решительно повернулся к мускулисту юноше, который разводил временный понтонный мост вместе со стариками, стоявшими рядом, и сказал.

– Голубчик, позови лодочника. Нужно подплыть ближе.

Пашка, пребывая в благоговейном страхе, бросился выполнять приказ господина Аманду. Вскоре к берегу причалил ветхий челн, и Аманд вместе с несколькими крестьянами забрался в него. Они оттолкнулись от берега и направились к плоту. По мере приближения колокол становился все больше и внушительнее. Аманд заметил, что на его поверхности выгравированы какие-то символы, возможно, имена святых или цитаты из Священного Писания. Подплыв вплотную, Аманд приказал закрепить челн к плоту. Он осторожно перебрался на его шаткую поверхность и подошел к колоколу. Прикоснувшись к холодной бронзе, он почувствовал легкую вибрацию, словно колокол жил своей собственной жизнью: «Надо распорядиться устроить дополнительную звонницу в монастыре», – подумал он.

Богоявленский Старо-Голутвин мужской монастырь, с его потемневшими от времени стенами и золотыми куполами, возвышался на холме, словно каменный страж. Железнодорожный мост, предмет гордости и заботы Аманда, пролегал рядом, подчеркивая контраст между старым и новым, прошлым и будущим. В древности недалеко от устья Москвы-реки здесь шумел непроходимый лес, где обитали разбойники – суровые и бесстрашные люди, жившие вне закона. Они прятались среди густых деревьев, в укромных чашах и пещерах, откуда устраивали свои налеты на торговые суда путешественников, плывущих по реке. Эти грабители знали каждый поворот и каждый залив, используя природные ловушки и хитрости, чтобы захватить добычу и скрыться от преследования. Грабежи на реке были жестокими и стремительными: разбойники нападали на лодки и барки, перевозившие товары и припасы, заставляя экипажи сдаваться без боя или же вступая в кровопролитные схватки. Их цель – богатые купцы и торговцы, несущие драгоценности, меха, зерно и другие ценные грузы. Часто после удачного рейда разбойники скрывались в лесу, где их не могли достать ни стражники, ни военные, служившие государю.

Коломна, Старо-Голутвин мужской монастырь, 1912 г.

Коломна, Старо-Голутвин монастырь. Вид на надвратную колокольню с церковью Введения Пресвятой Богородицы

Этот пейзаж на фоне монастыря напоминал о вечной борьбе между светом и тенью, между порядком и хаосом, которые всегда сопутствовали истории этих мест. Для укрепления насыпи перед железнодорожным мостом по приказу Аманда с Камчатки привезли на баржах вулканический камень, прочный и долговечный. Аманд принял решение закатать его в глину. Но сейчас, когда он сошел с челна на землю и, перейдя насыпь, поднял с земли камень, который привлек его внимание своей необычной формой, в это мгновение он решил, что должен посетить в монастыре отца Иоанна. Положив камень в карман, повинуюсь какому-то внезап-

ному импульсу, он подошел к монастырским воротам и решительно направился внутрь. Он знал настоятеля отца Иоанна, человека образованного и мудрого. Аманд надеялся, что тот сможет пролить свет на происхождение колокола. Войдя во двор монастыря, Аманд увидел монахов, занимающихся своими повседневными делами. Кто-то ухаживал за садом, кто-то читал книги, а кто-то нес воду из колодца. Здесь царил атмосфера покоя и умиротворения, контрастирующая с лихорадочным волнением, охватившим Аманд. Отец Иоанн встретил его в своей келье, скромной комнате с иконами и книгами. Старец внимательно выслушал рассказ Аманд о чудесном колоколе, не перебивая ни словом. Когда Аманд закончил, отец Иоанн задумался, глядя в окно.

– Да, господин Аманд, это действительно необычное явление. Появление колокола на реке – это всегда знак. Что он означает – покажет время. Но я думаю, это не просто случайность. Бог посылает нам знамения, чтобы направить нас, предостеречь или благословить. Что же касается символа, который ты видел... – Отец Иоанн нахмурился, – нужно посмотреть в древних книгах. Возможно, там найдется ответ.

Отец Иоанн, продолжая задумчиво смотреть в окно, медленно повернулся к Аманду, его лицо отражало серьезность момента.

– Если колокол появился именно на реке, где проходит твой мост, Аманд, то, возможно, это не случайно. Мост – символ связи, объединения двух берегов, двух миров. Так и колокол призывает нас объединиться, укрепить нашу веру и защиту перед лицом трудностей. Его звон должен стать напоминанием о том, что мы не одни, что здесь, у монастыря, есть духовная крепость, на которую можно опереться. – Он сделал паузу, обдумывая свои слова, и затем продолжил: – Я хотел бы разместить этот колокол на колокольне нашего монастыря. Думаю, твои рабочие помогут возвести новую звонницу. Его звук будет напоминать людям о необходимости собраться вместе, о важности веры и о том, что мы всегда под защитой Божией. Колокол станет символом надежды и единства, призывающим всех нас к молитве и размышлениям.

Аманд вышел от отца Иоанна с тяжелым сердцем. Вдруг вспомнился ему рассказ старого конюха Ивана, который любил рассказывать байки о Смутном времени, о Лжедмитрии и Марине Мнишек, о казаках и разбоях в этих местах. Иван часто повторял, что именно здесь, в окрестностях монастыря, Иван Заруцкий, сподвижник Марины, спрятал награбленные сокровища, бежав от преследователей в Рязанские земли. Якобы сокровища были настолько велики, что на них можно было выкупить целое княжество! Но никто никогда не находил этих сокровищ. Аманд задумался. Может ли быть связь между легендой о сокровищах и чудесным колоколом? Может быть, колокол явился сюда, чтобы указать путь к этим давно забытым богатствам? Он не мог вспомнить, что точно рассказывал Иван об атамане Заруцком, который, спасаясь от погони, бежал вместе с Мариной Мнишек по лесам и болотам мимо монастырских стен сначала в Рязанские, а потом в Астраханские земли. Надо будет расспросить Ивана об этом еще раз: о монастыре, укрытом густым лесом, где атаман Заруцкий и спрятал награбленные сокровища, надеясь вернуться за ними позже.

Аманд вернулся к реке. Колокол по-прежнему стоял на плоту, но теперь Аманд смотрел на него другими глазами. Он попросил крестьян подтащить плот к берегу и закрепить его у причала. Когда плот причалил, Аманд заметил нечто странное: колокол развернулся в сторону монастыря, и его тень, падая на землю, указывала на определенный участок монастырской стены, поросший густым кустарником.

У Аманд екнуло сердце. Неужели это и есть разгадка? Неужели колокол сам указывает, где искать сокровища Заруцкого? Не теряя времени, Аманд отправился к указанному колоколом месту. Он пробрался сквозь густые заросли кустарника и внимательно осмотрел стену. Земля здесь была рыхлой, словно недавно перекопанной. Он начал копать и вскоре наткнулся на старый дубовый ящик. С замиранием сердца Аманд открыл его. Внутри, в полумраке, сверкали золотые и серебряные монеты, драгоценные камни, старинные украшения.

Сокровища Заруцкого! Аманд был поражен. Неужели легенда оказалась правдой? И неужели чудесный колокол помог ему найти этот давно забытый клад? Аманд был не просто немецкий барон, любитель старины и охоты. Он был потомком немецкого рода, осевшего в России еще во времена Екатерины Великой. Его предки служили при царском дворе, собирали библиотеки, интересовались русской историей и культурой. В его фамильном архиве хранились старинные книги и документы, рассказывающие о Смутном времени, о борьбе за власть, о казацких атаманах и их несметных сокровищах. Поэтому легенды о Заруцком не были для Аманды пустым звуком, а были частью его семейной истории.

Пашка, молодой и безбашенный, крался за Амандом с самого начала по густым зарослям к монастырской стене. Он видел, как Аманд пробирается сквозь кустарник, как внимательно осматривает землю у стены, как находит ящик с драгоценностями. Пашка, словно замороженный, наблюдал за Амандом из своего укрытия в густых кустах. Он видел, как барин, словно скупой рыцарь, перебирает сокровища Заруцкого, перекладывая золотые монеты и драгоценные украшения в большой дорожный саквояж, с которым он всегда выезжал на работы, связанные со строительством железнодорожного моста. Жадность разгоралась в сердце Пашки с каждой минутой. Он представлял, как эти сокровища могли бы изменить его жизнь, как он смог бы вырваться из нищеты и зажечь припеваючи, жениться и построить дом. Но зависть и вождление были не единственными чувствами, которые он испытывал. В глубине души его терзало чувство вины. Ведь он подслушивал и шпионил за Амандом, за человеком, который, по сути, не сделал ему ничего плохого. Но мысли о богатстве заглушали голос совести. Пашка видел, как Аманд, закончив перекладывать сокровища, поднял увесистый саквояж, ощущая тяжесть богатства в своих руках. Затем Аманд направился со своей ношей к стоявшему неподалеку фаэтону, чтобы поехать обратно к себе в усадьбу.

В кабинете усадьбы Анино было накурено. Аманд, расхаживая из угла в угол далеко за полночь, нервно теребил свои усы. Иван, дворовый слуга, уже несколько часов стоял, потупив взгляд, у самой двери кабинета, сжимая в руках поношенную шапку, и ждал, когда господин обратит на него внимание. Аманд остановился напротив него, сверля его взглядом.

– Иван, ты давно служишь в моей семье. Ты знаешь все местные предания. Рассказывай, что тебе еще известно о сокровищах Заруцкого! – голос Аманды был резок и требователен.

Иван вздохнул, словно набираясь сил. Он медленно поднял глаза на барина и начал свой рассказ тихим, немного хрипловатым голосом:

– Было то давно, ваше благородие, во времена Смуты. Цари менялись как перчатки, боярские роды грызлись за власть, народ голодал и бедствовал. Тут-то и поднялись казаки, вольные люди, не признающие ни царей, ни боярских указов. Одним из атаманов был Иван Мартынович Заруцкий. Храбрый воин, да только беспринципный. Говорили, будто дьявол ему в ухо шептал. Иван откашлялся и продолжил: – Заруцкий примкнул к Марине Мнишек, польской авантюристке, объявившей себя русской царицей. Он был ее верным слугой, защищал ее от врагов, воевал за нее. Но, как известно, Смута закончилась, и на трон вошел Михаил Федорович Романов. Мнишек и Заруцкий бежали на юг, собирая по пути всякое добро: золото, серебро, драгоценности. Говорили, награбили они столько, что целые обозы везли! Да только бегство их было недолгим. Царские войска настигли их. Маришку Мнишек казнили на плахе, отрубили голову, а Заруцкого посадили на кол. Перед смертью, говорят, он проклял свои сокровища и поклялся, что никому они не достанутся. Так вот, ваше благородие. Когда царские войска стали наступать, Заруцкий приказал своим людям спрятать сокровища в надежном месте. Место это никто не знал, кроме самых верных казаков. Говорили, что спрятали они клад где-то в монастырских стенах, замуровали в тайнике. А чтобы найти этот тайник, нужен был особый знак – колокол, проплывающий на реке и звонящий над сокровищами.

Аманд внимательно слушал, не перебивая. Он знал эту историю из книг и что-то припоминал из детства, но слушать ее из уст человека, выросшего на этой земле, было совсем дру-

гое дело. Он долго размышлял, почему именно его привел колокол к сокровищам атамана Заруцкого. И колокол... Этот таинственный колокол... Он засунул руку в карман, вытащил необычный камень, который подобрал у насыпи, и задумался. Аманд повертел камень в руке, ощущая его прохладную тяжесть. Камень не был похож ни на один из тех, что он видел прежде. Его структура, словно застывшая лава, и редкие вкрапления мерцающей слюды заворачивали. Черный обсидиан⁷, казалось, хранил в себе тайны древних времен.

Он вспомнил, как легко и странно он поддался – будто камень сам прыгнул в его ладонь. «Связь... Должна быть связь», – прошептал он себе под нос. История о колоколе, зовущем к сокровищам Заруцкого, казалась невероятной, почти сказочной. И теперь этот камень... Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. В голове роились обрывки легенд, услышанных в детстве от старой няни. Что-то о древнем капище, о лесных духах, о камнях, обладающих силой... Но все это казалось несерьезным, детскими сказками, не имеющими отношения к реальной жизни, к его работе, связанной с цифрами, графиками и отчетами. Внезапно в памяти всплыло слово – «врата». Няня часто говорила о вратах между мирами, которые открываются в особые дни и в особых местах, и о камнях, которые служат ключами. Она говорила, что такой камень может открыть путь в Изнанку Мира, но предупреждала, что путешествие туда – не забава, а опасное испытание. Можно заблудиться в переплетении миров, потерять рассудок или стать пленником чужих сущностей. Рациональный ум сопротивлялся. Это же абсурд! Миры, врата, магия – глупости, в которые нормальные люди не верят. Но что-то внутри Аманды, какой-то древний инстинкт говорил другое.

Глубокой ночью, когда Аманд уснул в своем кабинете, из усадьбы исчезли сокровища, Пашка выкрал дорожный саквояж. К счастью для Пашки, окно в кабинете оказалось незапертым. Он осторожно открыл его и пролез внутрь. В кабинете царил полумрак, Аманд в одежде крепко спал на кожаном диване, укрывшись шерстяным пледом. Пашка, затаив дыхание, начал искать дорожный саквояж с сокровищами. Он осмотрел все углы комнаты, но его нигде не было. Уже отчаявшись, он случайно задел ногой что-то твердое под большим дубовым столом, на котором были разбросаны бумаги и книги. Он наклонился и увидел внушительный предмет, не просто дорожный саквояж, а настоящий сундук в миниатюре, обтянутый толстой лоснящейся кожей, плотно набитый монетами и драгоценностями. Лунный свет, пробиваясь сквозь неплотно задернутые шторы, высвечивал все предметы, которые находились в кабинете. Пашка видел такие саквояжи только издали, когда господа грузили их в карету и отправлялись в город. На боку тисненные золотом атели инициалы «A. de S.» Замки, сверкающие тусклым отблеском луны, казались неподкупными стражами. Сам вид этой вещи кричал о достатке и принадлежности к другому миру, миру шелковых платков, французских духов и неисчерпаемых карманов. Пашка ликовал.

Пашка приподнял саквояж. Тяжелый! Предвкушение богатства опалило его изнутри. Сердце колотилось как пойманная птица. Но тянуть такую махину через весь двор было смерти подобно. Каждый скрип половицы, каждый шорох ветра мог выдать его. А если его увидят с саквояжем господина Аманды... лучше и не думать. Он достал из-за пазухи холщовую торбу, с которой ходил по ярмаркам. Дорогой саквояж, с инициалами и тонким запахом, был слишком узнаваем, слишком опасен. Торба – другое дело. С такой не только крадут господское добро. С ней можно затеряться в толпе, в потемках ночи, в безликой массе деревенских и городских жителей. Дрожащими руками Пашка открыл саквояж, лихорадочно переложил все добро в торбу и поспешно вылез через окно. Теперь, пробираясь сквозь колючие заросли, Пашка плотнее прижимал к себе холщовый мешок, чувствуя, как сокровища Заруцкого оттягивают ему плечо. Он знал, что пути назад нет. За ним погонятся, его будут искать. Но ради этой тяжести на плече, ради этой надежды на новую жизнь он был готов бежать до края земли. Лишь бы вырваться из этого проклятого места, где одни купаются в золоте, а другие прозябают

в нищете. Лес хранил его тайну, а ночь укрывала от глаз господских слуг. Впереди – свобода, пусть даже оплаченная ценой воровства.

Тем временем Аманд проснулся от странного чувства тревоги. Он встал, пошарил рукой под своим рабочим столом и не нашел своего дорожного саквояжа с сокровищами. Он осмотрел комнату, залитую лунным светом. Окно было открыто. Все стало ясно. Его обокрали. Гнев захлестнул его. Кто посмел? Ярость клокотала в груди Аманда. Кража! В его усадьбе! Это было не просто преступление, это было оскорбление, вызов его авторитету. Он поклялся найти вора и жестоко наказать за дерзость.

Не теряя ни минуты, он вызвал слуг, его голос, обычно спокойный и властный, сейчас гремел, словно раскат грома.

– Обыскать все! Всю усадьбу, каждый уголок! Окрестности – перерыть каждый куст! – приказывал он, метая гневные взгляды.

Но этого было недостаточно. Он хотел, чтобы вор был пойман немедленно. Поэтому он отдал следующий приказ.

– Выпустить гончих! Выпустить лучших охотничьих псов! Чтобы к рассвету след вора был найден, чего бы это ни стоило!

Дворецкий, побледнев, поклонился почти до земли и торопливо удалился, зная, что ослушаться приказ господина – значит навлечь на себя его гнев.

Ночная тишина разорвалась возбужденным лаем и топотом копыт. Горящие факелы заплясали в руках слуг, бросая причудливые тени на испуганные лица. На поводках вывели гончих – породистых, мускулистых животных, рожденных для одного – преследования. Их шерсть лоснилась, а мускулы перекатывались под кожей. Чутье – их главное оружие. Их глаза горели азартом предстоящей охоты, а ноздри трепетали, подобно крыльям бабочек, ловя малейшие запахи, обрывки ускользающей истины. Аманд, стоя на верхней ступени крыльца, возвышался над этой суматохой, словно римский император, готовящийся к триумфу, только на этот раз – триумфу мести. Он сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Он лично отдал команду, указав рукой направление в сторону темнеющего леса:

– Взять след! За вором! Никому не скрыться!

Поводки ослабли, словно лопнувшие нити, и гончие, вырвавшись на свободу, ринулись вперед, поднимая клубы пыли и опавших листьев. Их громкий и яростный лай эхом разносился по окрестностям, предвещая скорую и, как он надеялся, неминуемую расплату для дерзкого вора, посягнувшего на его собственность, на его покой, на его честь. Но был ли вор единственным, кто нарушил его покой? Этот вопрос, подобно ядовитому жалу, терзал его душу, пока он всматривался в темноту, где смешались лай гончих и его собственные неясные страхи. Аманд, едва сдерживая клокочущую ярость, сорвал голос, прокричав еще раз команду так, что эхо отозвалось от дальних лесных опушек:

– Взять след! За вором!

И вот, на этом рубеже между тьмой и надеждой поводки ослабли, дрогнули в руках слуг, и гончие, словно выпущенные из тетивы лука стрелы, со свирепым рыком вырвались на свободу. Под копытами взметнулись клубы дорожной пыли, смешиваясь с запахом земли и хвойным ароматом, создавая густой, опьяняющий коктейль. Их лай – не просто звук, а рев самой мести – эхом разносился по окрестностям. Это была не просто охота за вором, это был приговор, вынесенный без суда и следствия, рык хищника, уверенного в своей добыче. Лай, который прорезал тишину ночи, словно сверкающая молния, освещая темные уголки его собственной души, где таились давние обиды и невысказанные упреки. Каждый отголосок, казалось, говорил: «Расплата близка... Расплата за все...» Он смотрел вслед убегающим во тьму псам, чувствуя, как вместе с ними уносится частица его ярости, его страха, его бессилия. В эту ночь охотники и жертвы поменялись местами, и Аманд с ужасом ощутил, что и сам является частью

этой безумной гонки, неотвратимо приближаясь к своей собственной, пока еще не осознанной расплате.

Глухая тоска

Убежав подальше от усадьбы, Пашка остановился на поляне с кустами черники, чтобы перевести дух. До заброшенной сторожки старого егеря Корнея было метров двести. Лучше добраться до нее, отсидеться там какое-то время. Он крепко сжимал в руках старую торбу с сокровищами, чувствуя, как его сердце бешено колотится от радости и страха. Дрожащими руками он развязал веревку и заглянул внутрь. В бледном, призрачном свете луны, пробивающемся сквозь кроны деревьев, монеты и драгоценности вспыхнули тысячами фантастических огней, словно горсть звезд, упавшая в его ладони. Золотые дукаты ослепительно сияли, как миниатюрные солнца, серебряные талеры лучились матовым блеском, рубины горели внутренним пламенем, сапфиры и изумруды искрились, словно капли росы на траве. Все это великолепиие, собранное воедино, ослепило Пашку, воспитанного на скудной крестьянской жизни. Но восторг, этот мимолетный плен чувства, постепенно сменился тревогой, словно темная туча нависла над ясным днем. Он представил гнев Аманда, его жестокий взгляд, приказ о поимке вора, отданный хриплым голосом. Ведь если его поймают с этими сокровищами, ему несдобровать. Его ждет не просто тюрьма, а неминуемая смерть, медленная и мучительная.

Вдруг вдали послышался лай собак. Он вздрогнул, словно его ударило током. Усадьба проснулась, и псы шли по его следу, как судьба. Надо бежать, бежать, не оглядываясь! Но жадность сковала его, как цепи. Бросить сокровища? Нет, он не сможет. Это его шанс вырваться из нищеты, начать новую жизнь. Но как убежать с таким грузом? Решение пришло внезапно, как озарение: он спрячет сокровища! Зароет их в лесу, а когда все утихнет, вернется за ними. Он прижал торбу с сокровищами к груди, словно пытаясь защититься от надвигающейся опасности, и сорвался с места. Бежать! Спасаться! Вот только мешок, набитый драгоценностями, тянул его вниз, превратив стремительного юношу в хромящую жертву. Он спотыкался о корни, царапал лицо о колючие ветки, но не выпускал свою добычу. Страх гнал его вперед, а жадность не позволяла остановиться. Лай гончих становился все громче, факелы приближались, и Пашка, задыхаясь от бега, чувствовал, как его настигает неминуемая расплата. В этот момент он понял, что золото, которое он так жаждал, стало его проклятием, превратив его в добычу, бегущую навстречу своей гибели. И в отчаянии он продолжал свой безумный бег, не в силах ни бросить тяжелый мешок, ни оторваться от преследователей. Он бежал не к свободе, а к неминуемой гибели под яростный лай гончих и зловещее пламя факелов. И тут он услышал хруст веток. Пашка замер, затаив дыхание. Кто-то был рядом! Сердце бешено заколотилось в груди. Он схватил мешок и прижался к земле, стараясь слиться с окружающей темнотой. Хруст повторился, но теперь он был ближе. Пашка увидел, как сквозь кусты пробирается фигура. Это был мужчина, высокий и широкоплечий. В руках он держал факел, освещавший его суровое лицо.

– Кто здесь? – прогремел голос незнакомца.

Мужчина с факелом продолжал приближаться. Пашка понимал, что сейчас не время для моральных терзаний. Ему нужно выжить. Он крепко сжал торбу, готовясь к побегу. Но тут, к его удивлению, мужчина остановился. Факел осветил небольшую табличку, прибитую к дереву рядом с поляной. Пашка не успел ее прочитать, но мужчина, кажется, узнал это место.

– А, это ты, значит, в сторожке у старого Лешего решил отсидеться, – проворчал мужчина. – Неужто клад нашел, али сокровища ищешь? – В его голосе не было угрозы, скорее, насмешка и любопытство.

Пашка, собравшись с духом, поднялся с земли.

– Я просто заблудился, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Ищу дорогу в соседнюю деревню.

Мужчина усмехнулся, глядя на Пашку с явным подозрением. Он бросил взгляд на мешок, лежащий у ног юноши.

– Заблудился, говоришь? И с таким увесистым мешком?

Пашка прищурился, пытаясь разглядеть незнакомца в полумраке. «Не иначе щеголь, – пробормотал он себе под нос, с саркастичной усмешкой кривя губы. – Щеголь, да такой, что впору на ярмарку ряженым, мед сбивать да про царей сказки рассказывать. Где он только такой наряд выкопал?» И дело не только в том, что он тут делал в столь поздний час, а в том, как он выглядел. Это было... нелепо. Или, наоборот, настолько вызывающе, что заставляло забыть о нелепости.

Начало светать. Дремлющая тьма, словно нехотя, уступала свои владения робким лучам зари. Горизонт алел нежным румянцем, предвещая скорое пробуждение природы. В пред-рассветном тумане, словно сотканном из серебра, очертания леса и поляны становились все отчетливее, проступая из полумрака как видения. На мужчине был надет красный кафтан с отложным воротником. Не просто красный, а кричаще-алый, словно выкрашенный кровью заката. Сукно и бархат, сшитые вместе, переливались в тусклом свете полной луны и искрились от огня, который источал факел. Вышивка виляла золотыми нитями по груди и длинным рукавам, изображая диковинных птиц и невиданные цветы. Ниже виднелись шелковые шаровары, заправленные в высокие сапоги. Пашка не разбирался в тканях, но чувствовал – это не обычный шелк. Что-то дорогое и тонкое. А на голове красовалась мурmolка⁸, отороченная густым, пушистым соболиным мехом. Даже летом в ней должно быть жарко, подумал Пашка. Но самое поразительное было дальше. На поясе незнакомца висела сабля. Клинок поблескивал сталью, а рукоять была инкрустирована драгоценными камнями, мерцающими всеми цветами радуги. Золото щедро обвивало эфес, создавая сложный, замысловатый узор. В ушах мужчины поблескивали серьги. Крупные, с явно дорогими камнями. А на пальцах красовались перстни. Не один и не два, а целых пять. Каждый – с огромным сверкающим алмазом, от которого искрились лучиками звездного света, словно крошечные молнии. Кто этот человек? И главное – что ему нужно? Он будто потерял и ищет что-то, чего, возможно, уже нет.

Пашка от неожиданности вздрогнул, когда незнакомец схватил его за худенькое плечо. Пашка теперь мог разглядеть его лицо, он почувствовал запах – смесь старинного сукна, дорогих благовоний, легкий аромат хлеба и меда. И этот взгляд... он был полон такого безумия, что Пашка невольно приспустил стружкой в штаны. Он молчал, боясь выдать себя. Пашка никогда не учился в школе. В детстве он голодал, и знания о князьях да царях были ему ни к чему. Его мир ограничивался рекой Окой, работой на строительстве моста, а потом в чугунолитейном цехе и скудным ужином после тяжелого дня. Ивана Заруцкого и Марину Мнишек он не знал и знать не хотел. Они были из другого мира, мира богатых и могущественных, мира, который для простого работника был далек и непонятен. Мужчина медленно приближался, внимательно осматривая поляну. Он затушил факел и, узнав свою добычу в руках Пашки, усмехнулся, в этой усмешке было больше угрозы, чем радости от возвращения утраченного.

– Ишь ты, крыса! – прорычал Заруцкий, приближаясь. – Думал, обманешь меня, вора?

Пашка молчал, опустив взгляд. Он понимал, что бежать бесполезно. Заруцкий был крепким, опытным атаманом, да и мешок с сокровищами тянул Пашку к земле.

– Что у тебя здесь?! – как зверь заорал донской казак.

– Сокровища... – прошептал Пашка, надеясь хоть как-то смягчить гнев Заруцкого. – Я... я хотел...

– Молчать! – оборвал его Заруцкий. – Ты хотел украсть то, что по праву принадлежит мне, атаману Ивану Мартыновичу Заруцкому!

Он выхватил мешок из рук Пашки, грубо оттолкнув того в сторону. Сокровища снова были у него. Но в глазах Заруцкого не было удовлетворения. Лишь усталость и какая-то обреченность.

– Зачем тебе они? – спросил Пашка, пытаясь понять мотивы этого человека.

Заруцкий тяжело вздохнул и присел на поваленное дерево. Пламя факела плясало на его лице, обнажая морщины и шрамы – следы долгой и жестокой жизни.

– Зачем? – переспросил Заруцкий. – Чтобы купить свободу... покой... хотя бы на старости лет. Эти сокровища – все, что у меня осталось. Все, ради чего я бежал из Коломны в Рязань, а потом в Астрахань, бросив все. Предал всех...

В его голосе прозвучала такая тоска, что Пашка невольно посочувствовал ему. Заруцкий мечтал не о власти и славе, о российском престоле.

– Смутное время... – продолжил Заруцкий, глядя на огонь. – Татары отняли у меня все. Семью, дом, веру... Я сражался за народ, верил, что строю светлое будущее. А в итоге остался ни с чем, клейменый как предатель. Эти сокровища – мой шанс начать все сначала.

Он замолчал, погрузившись в свои мысли. Пашка понимал, что Заруцкий не станет его убивать. Он видел в глазах этого человека не только гнев, но и отчаяние.

– Я отдам их... – пробормотал Пашка. – Возьми все. Но отпусти меня.

Заруцкий посмотрел на него долгим пристальным взглядом.

– Ты молодой еще, – сказал он наконец. – Жизнь у тебя впереди. Не заколю тебя. Живи.

Заруцкий поднялся с поваленной березы, взял торбу и направился вглубь леса.

– Уходи! – крикнул Заруцкий мальчишке через плечо. – И забудь обо всем, что видел!

Пашка стоял как вкопанный, смотрел ему вслед, пока фигура Заруцкого, словно призрака, не растворилась, поглощенная деревьями и кустарником. Он понимал, что ему повезло остаться в живых. Поднявшись, он стал ощупывать карманы и обнаружил, что в одном из них осталась какая-то вещица – медальон. Он открыл медальон и увидел портрет красивой женщины. Она смотрела на него с полотна, запечатлевшего ее изящные черты: высокие скулы, тонкий нос, пухлые губы. На ней было дорогое платье, явно иностранного покроя, украшенное кружевами и жемчугом. Какая-то королева, княгиня, а может быть, просто знатная дама. Портрет был написан с такой тщательностью и любовью, что Пашка на мгновение замер, пораженный красотой. Он больше не чувствовал ни злобы, ни отчаяния, только опустошение.

Пашка остался один. Один на один со своим страхом, со своей виной, со своей сломанной жизнью. Он понимал, что Заруцкий даровал ему второй шанс, но не знал, что с ним делать. Он больше не был тем Пашкой, который воровал в господском доме. Он был другим. Истерзанным, сломленным, но живым. Новая жизнь, о которой он так мечтал, теперь казалась недостижимой, отравленной страхом и нищетой. Пашка вдруг задохнулся от новой волны ярости. Не раздумывая, он бросился в погоню. Кровь стучала в висках, разум заволокло пеленой гнева. Он гнал, как одержимый, перепрыгивая через корни деревьев, спотыкаясь о кочки, не чувствуя боли и усталости. Лишь одна мысль пульсировала в голове: «Догнать его, гада! Вернуть! Мое!» Заруцкий, услышав погоню, попытался ускориться, но годы и раны давали о себе знать. Пашка настиг его в небольшой лесной ложбине, где рассветные лучи солнца пробивались сквозь кроны деревьев, освещая их предстоящую схватку.

– Стой! – заорал Пашка, срывая голос.

Заруцкий обернулся, в его глазах не было ни удивления, ни страха. Лишь тень непреодолимой усталости. Он не стал ждать нападения, а сам шагнул навстречу Пашке. И началась драка. Яростная, неистовая, беспощадная. Без правил и жалости. Пашка набросился на Заруцкого, как голодный волк на добычу. Удары сыпались градом, сбивая дыхание, оглушая болью. Заруцкий, хоть и был старше, мощное тело его помнило не одну кровавую сечу в Смутное время, когда Русь корчилась в огне междуцарствия. Он рубился с поляками, шведами, с шальными отрядами мародеров, не разбирая ни веры, ни крови. Его сабля знала вкус крови и пороха, а руки – тяжесть булата и горячие рукояти пищалей. Он выжил там, где гибли более молодые и крепкие духом. Видел такое, что и в кошмаре не приснится. Умел выживать и убивать.

Вот и сейчас, в этой лесной ложбине, он пытался защититься. Его руки, привычные к сабле и щиту, неуклюже парировали удары Пашки. Он помнил приемы, отработанные до автоматизма, но тело не слушалось его. Молодость и ярость Пашки брали верх. В ход шли кулаки, локти, колени. Они катались по земле, сбивая листья и вздымая пыль, рыча и хрипя от натуги. Заруцкий понимал, что проигрывает. Не потому, что он стал слабее, а потому что внутри него больше не было той ярости, той жажды убивать, которая когда-то делала его непобедимым. Он устал от крови, устал от насилия, устал от борьбы. Он просто хотел покоя. К тому же, в глазах Пашки он увидел нечто большее, чем просто жадность. Там был страх, отчаяние, боль. Заруцкий видел в этом мальчике отражение себя самого, молодого, озлобленного, отчаявшегося. Он вспомнил свою молодость, свою ненависть ко всему миру, свою готовность убивать за кусок хлеба и за право жить. Пашка, ведомый жаждой вернуть сокровища, бил с остервенением, вкладывая в каждый удар всю свою боль и обиду. Наконец, после долгой и изнурительной борьбы Пашка одержал верх. Свалив Заруцкого на землю, он придавил его всем своим весом, не давая подняться. Дыхание сбилось, в глазах темнело. Но он не отпуская.

– Отдай! – задыхаясь, выкрикнул Пашка. – Отдай то, что мое!

Заруцкий, обессиленный и избитый, молча смотрел на него. В его глазах не было ни злобы, ни ненависти, только какая-то глубокая, всепоглощающая усталость. Пашка, не дождавшись ответа, сорвал с плеча Заруцкого холщовую торбу. Дрожащими руками он распахнул ее и увидел то, ради чего и затеял эту драку: золото, драгоценности, сокровища. Его сокровища. В этот момент ярость, которая им завладела, начала отступать, сменяясь липким страхом. Что он наделал? Что его ждет теперь? Пашка крепче сжал торбу, словно она была его единственной защитой, его единственным спасением. Он огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть чьи-то глаза, наблюдающие за ним из густи леса. Теперь он был один на один со своим преступлением и со своими сокровищами.

И в этот момент он увидел Заруцкого. Точнее то, что от него осталось. Заруцкий лежал неподвижно, с искаженным от боли лицом. Его взгляд был пустым, безжизненным. И вдруг Пашке показалось, что от Заруцкого отделилась темная тень. Сначала небольшая, едва заметная, она росла, приобретая очертания человека. Тень поднималась над телом Заруцкого, словно пар над остывающим костром. Тень эта была странной. Она не отражала силуэт Заруцкого, а была какой-то размытой, нечеткой, словно сотканной из ночного мрака. Она двигалась не плавно, а рывками, как будто ее что-то тянуло в разные стороны. И вот тень взмыла вверх, пронзив кроны деревьев. На мгновение Пашка увидел, как за тенью распахнулась какая-то иная реальность – мир, полный хаоса и мрака, мир, где тени плясали свой безумный танец. Но видение тут же исчезло, словно сон, и тень Заруцкого растворилась в небесах, оставив после себя лишь пустоту.

Пашка застыл, парализованный ужасом. Он не понимал, что произошло. Ему казалось, что он сошел с ума. Но одно он знал наверняка: Заруцкий больше не был в этом мире. Его тень, его душа, его сущность исчезла, провалилась в какую-то иную реальность, в мир теней и призраков. Пашка остался один. Один на один со своим преступлением, со своими сокровищами и с пугающей мыслью о том, что где-то, за гранью реальности, бродит тень Заруцкого, ожидая своего часа, чтобы отомстить ему.

Он вернулся в город утром, когда солнце мягко рассеивало тени на улицах, и на бабьем рынке, словно в порыве забвения, выменял золотую цепь на новый кафтан и хлеб. В воздухе пахло утренней росой и пряностями, а вокруг шумели торговцы, их голоса сливались в гулкое эхо. Он шел, не замечая окружающего мира, и в сердце его все еще звучала глухая тревога. Он ощущал, что тень Заруцкого все еще витает где-то рядом, невидимая, но ощутимая как ледяной шепот. Каждая фигура, каждый прохожий казались ему возможными предвестниками чего-то недоброго, и его взгляд то и дело скользил по лицам в поисках знакомых черт или признаков опасности.

Пройдут годы, и судьба, словно незримая рука, расставит свои крестики и нолики на карте Пашкиной жизни. Время перемен и революционных вихрей захлестнет Россию, изменит ее лицо и судьбы миллионов. Но среди бурь и потрясений, среди шумных улиц и грохота заводских цехов Пашка найдет свой новый путь. Коломенский завод, словно маяк во мраке перемен, примет его в свои ряды. А вскоре, как дар судьбы, ему будет предоставлен участок земли – маленький клочок рая, где он, словно в закатных снах, сможет построить свое будущее.

Так начался его новый путь – путь не из легких, но наполненный верой и надеждой. Пусть прошедшие годы будут полны испытаний и страха, что Аманд найдет у него сокровища, он знал: впереди – безбедное будущее, которое он сам создаст своими руками благодаря награбленным Заруцким сокровищам.

Коломенский центральный рабочий кооператив. Универсальный магазин №2, 1924 г.

Усадьба Анино

Усадьба Анино выглядела как двухэтажный деревянный дачный домик, Аманд Струве зимой вместе с семьей переезжал в отапливаемый дом. Но летом усадьба оживала. Вокруг распускались пышные клумбы, наполняя воздух сладким ароматом пионов и роз. Аннетта Вильгельмина фон Крюденер была женщиной с утонченной красотой, доставшейся ей от предков, и мудростью, что далась годами. Разница в возрасте с Амандом вносила в их отношения особую ноту: он видел в ней опыт и спокойствие, она же находила в нем неутолимую энергию и юношеский задор. У Аннетты уже были дети от первого брака, и Аманд принял их с той же любовью и заботой, что и своих собственных. Старший сын Карл был юношей рассудительным и тяготевающим к точным наукам, а младшая дочь Софи – мечтательницей, утопавшей в книгах и грезившей о дальних странствиях. Аманд находил общий язык с обоими: с Карлом часами обсуждал технические новинки и перспективные проекты, а с Софи читал стихи и с упоением слушал ее фантастические рассказы. Аннетта была не просто женой Аманды, она была его опорой и вдохновительницей. Именно она привила ему любовь к литературе и искусству, научила ценить красоту в самых простых вещах. Именно она, с присущей ей грацией, руководила обустройством усадьбы, превращая ее в райский уголок. Она умела вдохнуть жизнь в каждый уголок дома, наполнить его теплом и уютом. Ее заботливые руки готовили изысканные блюда, ее нежные слова успокаивали и поддерживали.

В летние вечера, когда семья собиралась на веранде, Аннетта всегда была в центре внимания. Ее тихий голос, мягкий смех и добрые глаза притягивали к себе. Она рассказывала истории из своей жизни, делилась воспоминаниями о детстве в имении своих родителей, о путешествиях по Европе, о встречах с выдающимися людьми. Ее рассказы были полны мудрости и изящества, словно драгоценные камни, бережно хранимые в памяти. Аманд слушал ее, завороженный, чувствуя безграничную благодарность за то, что судьба подарила ему эту удивительную женщину. В такие моменты он понимал, что Анино – это не просто усадьба, это символ их любви, их общей истории, их счастливой жизни. На веранде, увитой диким виноградом, пили чай с домашним вареньем, слушали стрекот сверчков и рассказывали истории. Часто в усадьбу наведывался егерь Корней. Корней был высоким, худощавым мужчиной с обветренным лицом и пронзительным взглядом, который, казалось, видел людей насквозь. Он знал лес как свои пять пальцев, и Аманд уважал его за мудрость и глубокую связь с природой. Сегодня Корней пришел с необычной новостью. Нахмурившись, он присел на край плетеного кресла и откашлялся.

– Непокойно нынче в лесу, господин Аманд Егорович. Непокойно. Зверь какой-то странный объявился.

Аманд, разливавший чай по фарфоровым чашкам, замер с чайником в руке.

– Странный? Какой?

Корней почесал затылок, словно подбирая слова.

– Следов не видно. Ни копыт, ни лап. Только сломанные ветки и испуганные перелеты птиц. Да еще и... тишина. Глухая, неживая тишина там, где он побывал.

Дети Аманды, обычно шумные и непоседливые, притихли, внимательно слушая рассказ егеря. Даже жена Аманды, сидевшая в углу с вязанием, приподняла голову.

– И что это может быть? – тихо спросила Аманд, ощущая, как по спине пробегают мурашки.

Корней вздохнул.

– Не знаю. И это самое страшное. Знаю одно – в лес сейчас лучше не ходить. Особенно вглубь. До выяснения обстоятельств. – Он поднялся. – Пойду, еще посмотрю. Нужно узнать, что это за зверь и откуда он взялся.

Аманд проводил его взглядом. Над лесом сгущались сумерки. Стрекот сверчков, казавшийся таким умиротворяющим еще недавно, теперь звучал тревожно и настойчиво. В воздухе, пропитанном ароматом цветов, повисла тень необъяснимого страха. Вечером, когда дети уже спали, Аманд долго не мог уснуть. Слова Корнея эхом отдавались в голове. Какой зверь мог вызывать такой страх? Он вспомнил старинные легенды о лесных духах, о странных существах, живущих на границе между мирами. Обычно он не верил в эти сказки, но сейчас, в этой тишине, нарушенной лишь редкими криками ночных птиц, ему почему-то казалось, что в них может быть доля правды. Он встал с кровати и подошел к окну. Луна заливала усадьбу серебристым светом. Сад казался призрачным и нереальным. Аманд поежился. Завтра он обязательно поговорит с Корнеем еще раз. Нужно узнать, что происходит в лесу. В эту ночь сон не шел к нему долго.

Усадьба имени А. Струве «Анина дача» за деревней Солосцово.
Впоследствии п/л «Рассвет»

Завтрашнее утро пришло с обманчивым спокойствием. Солнце щедро лило свет на поля, птицы весело щебетали, и даже стрекот сверчков, казалось, забыл о вчерашней тревоге. Но Аманда было не обмануть. Он чувствовал – что-то не так. Легкая нервозность, словно тонкая нить, натягивалась в его груди. После завтрака, убедившись, что дети заняты играми в саду, Аманд направился к дому Корнея. Его жилище располагалось на самом краю деревни, почти у самой кромки леса. Старый дом, сложенный из толстых бревен, казался частью самого леса, врастающего корнями в землю. Корней встретил Аманда на пороге. Лицо Корнея, и без того

изборужденное морщинами, выглядело еще более осунувшимся, чем вчера. В глазах читалась усталость и... страх.

– Я знал, что вы придете, господин, – проговорил он хриплым голосом, пропуская Аманду в дом. Внутри царил полумрак. Тяжелый запах трав и сушеных грибов смешивался с запахом старой древесины.

– Расскажи мне подробнее, – начал Аманд, стараясь говорить спокойно, – что происходит в лесу? Какой зверь наводит такой ужас?

Корней долго молчал, словно собираясь с духом. Затем вздохнул и опустился на деревянную лавку.

– Зверь... Я бы не назвал это зверем, господин. Скорее... сущность. Что-то древнее, что пробудилось от долгого сна. О нем ходили легенды еще до того, как ваши предки поселились в этих краях. Дело в Заруцком, Тень Леса, как вы ее называете... это дух Заруцкого.

– Легенды? – Аманд присел напротив него, стараясь унять нарастающую тревогу. Какие легенды?

Корней снова вздохнул, словно каждое слово давалось ему с трудом.

– Говорят, что в лесу живет... Тень Леса. Тень Ивана Заруцкого. Она невидима, неслышна, но ее присутствие ощущается всеми. Она крадет звуки, гасит свет, вселяя в сердца ужас. Говорят, она забирает тех, кто заходит слишком глубоко в лес, кто нарушает его покой. Но не убивает. Она делает что-то хуже. Говорят, что тех, кого она забирает, больше никто не видит в прежнем обличье... Они становятся частью леса, его тенями.

Аманд слушал затаив дыхание. Звучало нелепо, сказочно, но в голосе Корнея было столько искренней убежденности, столько неподдельного страха, что он не мог не поверить ему.

– Но почему она проснулась сейчас? – спросил он. – Почему раньше ее никто не видел?

Корней покачал головой.

– Не знаю, милостивый государь. Может, ее потревожили. Может, кто-то нарушил древний запрет. Может... время пришло. Но одно я знаю точно: мы должны быть осторожны. Мы должны держаться подальше от леса, пока эта сущность Ивана Заруцкого не уйдет. Не так давно кто-то потревожил его сокровища. Я не знаю кто, но дух Заруцкого почувствовал это. Его гнев пробудил древнюю силу, спящую в лесу. Он теперь бродит по лесу, ищет вора. Он хочет вернуть свое добро и отомстить тому, кто его потревожил.

Аманд похолодел, сокровища, которые он нашел у монастырских стен, выкрали у него. И вор не пойман. Аманд задумался. Держаться подальше от леса... Это было не так просто. Лес кормил их, давал дрова, кормил охотой на зверя и птицу, защищал усадьбу от ветра с полей. Да и как объяснить детям, почему им нельзя больше играть в их любимых местах и ходить за ягодами?

– Что мы можем сделать? – спросил он, глядя в усталые глаза Корнея. – Есть ли какой-то способ остановить эту... Тень Леса?

Корней снова покачал головой.

– Я не знаю, господин Аманд Егорович. Я слышал, что есть старинные обряды, заклинания... Но они забыты. Никто больше не помнит древние слова. Мы можем только молиться и надеяться, что эта сущность оставит нас в покое.

Аманд чувствовал, как по его спине пробегает холодок. Молиться и надеяться... Он понимал, что должен что-то предпринять. Он так и не смог поймать вора. Он должен защитить жену и своих детей, свою усадьбу, свой завод и железнодорожный мост. Даже если для этого ему придется столкнуться с чем-то, что выходит за рамки его понимания.

В добротной избе Корнея царил полумрак, густой и теплый, словно окутывающий пеленой. Единственная свеча, воткнутая в глиняный подсвечник на столе, отбрасывала причудливые тени на бревенчатые стены, превращая их в подобие заколдованного леса. Аманд, сгор-

бившись, сидел у стола, его взгляд был прикован к темному окну, за которым бушевала стихия. Станный ветер, словно одержимый дух, завывал и свистел в щелях, врываясь в избу с леденящей силой и разгоняя по углам тревожные шорохи. Ему чудилось, что в этом завывании слышатся стоны, шепот, неведомая угроза, словно мертвецы тянут к нему свои костлявые руки из потустороннего мира.

Сама изба, сложенная из огромных смолистых бревен вековой сосны, дышала основательностью и вековым уютом. Сруб, поставленный еще прадедом Корнеевым, хранил в себе дух многих поколений, запах коры и сушеной травы, шепот молитв и звон детского смеха. Под высоким потолком, закопченным дымом печи, висели пучки сушеных трав и грибов, а на полках стояли глиняные горшки и деревянная утварь, простые и незатейливые, но такие необходимые в крестьянском быту. Пол под ногами был дощатый, неровный, помнивший сотни ног, ступавших по нему на протяжении долгих лет. Крепкая лавка, на которой сидел Аманд, была выстругана из толстого бревна, тщательно отшлифована временем и поколениями хозяев. Каждая трещинка и зарубка на ней казались живой историей, рассказанной молчаливыми свидетелями прошлого. В углу избы, возле печи, стояла широкая лавка, на которой обычно спали дети. Рядом висели домотканые полотенца, украшенные вышивкой, и старинные иконы в потемневших от времени окладах. Иконостас, хоть и скромный, придавал избе ощущение святости и защищенности.

Несмотря на кажущийся уют, в избе ощущалась тревога. Украденные сокровища Заруцкого, таинственный исчезнувший вор, тень... Все это сплелось в один клубок страха, с каждым днем все туже затягивавшийся вокруг сердца Аманда. Он чувствовал, что в этот дом, сложенный из крепких бревен и освященный молитвами, проникла тьма, нарушившая вековой покой и грозящая разрушить все, что ему дорого. Корней, сидя напротив, с озабоченным видом поглаживал густую бороду и казался олицетворением мудрости и опыта, но даже он не знал, как справиться с надвигающейся бедой. Его слова звучали неутешительно, но Аманд уже и не надеялся на лучшее, понимая, что борьба предстоит не с обычным вором, а с чем-то гораздо более зловещим и непостижимым.

В избу из сеней вошла Мария, дочь Корнея, словно сошедшая со страниц старинной книги. Она была одета в цветастое платье, волосы заплетены в тугую косу, на лице – спокойствие и благородство. Она неторопливо подошла к столу, в ее руках блестел начищенный самовар.

– Самовар поставила, батюшка, чай сейчас будет горячий, – тихо произнесла Мария, ставя самовар на стол. Она ловко разожгла угли, и вскоре из самовара пошел пар, наполняя комнату ароматом чая с травами и ягодами. Мария, как и положено по русскому обычаю, взяла чайник с заваренным чаем. Аккуратно разлила чай по глиняным чашкам. Затем подала чай Корнею, а следом – Аманду. Она же неспешно села рядом, сложив руки на коленях. Аманд, отхлебнув горячего чая, чувствовал, как тепло разливается по его замерзшим мыслям. Но даже чашка чая не могла изгнать гнетущую тревогу. Корней, напротив, лишь вздохнул, по-прежнему теребя бороду.

– Милостивый государь, как дела с вором? – спросил Корней, его голос был глухим и усталым. Аманд покачал головой.

– Ничего нового. Словно в воду канул. Ни следов, ни зацепок. И никто ничего не видел. Будто его и не было вовсе.

– Заруцкий в ярости. Ему теперь покоя не будет. Считаю, всех своих сокровищ лишился. А что будет с мостом, с заводом... Все это теперь под угрозой. Если вор выйдет на нас, на нашу деревню... – Корней умолк, не в силах договорить.

Аманд понимал его страхи. Ему предстояло защитить не только жену и детей, но и свою деревню, завод, мост, ставший артерией жизни для всех. И эта защита казалась ему непосильной задачей. Он, простой человек, должен противостоять чему-то неведомому, тому, что выхо-

дит за рамки его понимания. Он чувствовал, как тьма сгущается вокруг, готовая поглотить его. И в этом чувстве, в завываниях ветра, в тишине лачуги ему слышался шепот, предупреждающий о неизбежном столкновении с чем-то страшным, с чем-то потусторонним, с чем-то, что могло сломать его, разрушить его мир.

Мария же, с детства любящая лес, часто уходила на рассвете туда за ягодами и грибами. Несколько дней назад она заблудилась в чаще. Страх охватил ее, но вдруг сквозь густые ветви она увидела странное зрелище. В лучах восходящего солнца между деревьями плясали тени. Они были высокими, извивающимися, словно призраки, и, казалось, обладали собственной волей. Мария замерла в изумлении, наблюдая, как тени борются друг с другом, изгибаются, нападают и отступают. Звуков не было, но она ясно ощущала ярость и злобу, исходящие от этих невидимых противников. Борьба продолжалась несколько минут, прежде чем тени, словно устав, рассеялись в сумерках, оставив после себя лишь гнетущее ощущение, что здесь произошло что-то важное и страшное. Мария, потрясенная, поспешила домой, чтобы рассказать об этом отцу. Корней поспешил рассказать свою историю Аманду. Тяжело вздохнув, он посмотрел в потускневшее пламя свечи.

– Господин Аманд, я должен сказать... Я тоже встречался с Заруцким.

Аманд вздрогнул.

– С Заруцким? Но он же...

– Да, он, – кивнул Корней. – Только это был не тот Заруцкий, а сущность в человеческом облики. Явился он ко мне ночью, когда уже все спали. Стучит в окно, шепчет, зовет по имени. Я, грешным делом, подумал – померещилось. Но вышел. И стоит передо мной, весь... как тень, но глаза горят, как угли. И, знаешь, не узнать его. Голос хриплый, не его видать при жизни. И вид – бледный, изможденный, будто высосал из него кто-то всю силу.

Корней замолчал, вспоминая тот жуткий визит. Он дотронулся до старого, потертого кожаного мешочка с крестом, висевшего у него на шее, и перекрестился.

– Отдал он мне вот эту мурмолку. Сказал, что она ему дорога, что в ней – память о его предках, донских казаках, а сам шепчет: «Сокровища... ищи сокровища... они нужны мне, иначе... тьма поглотит все». И прошептал еще, что ищет свои припрятанные сокровища, но не может найти. Будто кто-то ему мешает. Сказал, что чувствует, как тьма сгущается вокруг него, вот-вот поглотит. Вот тогда я и понял, что все это – не просто воровство из вашей усадьбы, а что-то... совсем иное, что имеет вы отношение личное к сокровищам.

Аманд, потрясенный рассказом Корнея, взглянул на свою кружку с остывшим чаем. Его охватило предчувствие беды. Он понял, что это не просто кража. Что в этом деле замешано нечто сверхъестественное, что-то темное и загадочное. Корней, словно прочитав его мысли, продолжил.

– И Мария рассказала. Про тени в лесу. Сказала, что видела, как они сражались. Я теперь думаю... может, это и есть тот самый вор? Или же это что-то более страшное, что-то, что использует вора в своих целях? – Он посмотрел на дочь, сидящую у стола, и сжался от предчувствия.

Мария же, опустив глаза, слушала отца. Ей было страшно. Она видела тени, она чувствовала их злобу. И теперь понимала, что это связано с пропавшими сокровищами, с Заруцким, с воров. Она знала, что ее видение – не просто причуды и фантазия. Это – предупреждение, сигнал о надвигающейся опасности. Мария с колыбели слышала древние предания, передававшиеся от бабки к матери, от матери к ней. Предания о неупокоенных душах, жаждущих власти и богатства, о кладах, зарытых в земле еще в Смутное время, когда Русь стонала под пятой иноземцев и междоусобных войн. Предания о том, как богатые бояре и купцы, спасаясь от разорения и смерти, закапывали свои сокровища в землю, накладывая на них заклятия и призывая темные силы для охраны. Предания о том, как души этих богачей, привязанные к богатствам, бродили по лесам и полям в виде теней, ищущих возможность вернуть утраченное. О древних

кладах, отмеченных странными знаками и охраняемых духами предков. О людях, нашедших эти клады и обреченных на вечные муки и проклятия. О том, как золото и драгоценности, добытые нечестным путем, приносили лишь горе и несчастья.

– Отец, – тихо сказала Мария. – Я видела, как тени боролись. И я уверена... они хотят чего-то.

Корней посмотрел на дочь, его взгляд был полон страха и решимости, словно два хищных зверя столкнулись в его душе. Страх за Марию, за их тихую жизнь, за хрупкий мир, созданный в глуши леса. Решимость – дать отпор, защитить, умереть, но не позволить тьме поглотить их. Он осознавал, что они стоят на пороге чего-то страшного, что судьба, словно старый охотник, расставила на них свои сети. Тьма уже сгущалась вокруг, готовая сомкнуть свои объятия, обернув мир в вечную ночь. И в завываниях ветра, в шепоте старой избы ему слышался зов тьмы, призывающий к борьбе с ней. Зов, который будил в нем древние инстинкты, напоминая о том, что он не просто старый егерь, а хранитель, последний оплот света в этом гнущем мире.

Аманд взглянул на Марию, сидящую у стола, и невольно сжался от липкого, леденящего душу предчувствия. В ее больших темных глазах, обычно полных кротости и тихой мудрости, он увидел отражение своего собственного страха, своей собственной неуверенности. Он, владелец завода, хозяин жизни, возводивший мосты, внезапно почувствовал себя маленьким и беззащитным перед лицом неведомой опасности. И в завываниях ветра, в шепоте старой избы ему слышался зов тьмы, призывающий к борьбе с ней. Зов, который разрывал его на части, сталкивая с темной стороной себя, которую он тщательно скрывал под маской благородства и богатства. Он резко встал, оттолкнув стул, словно пытаясь отбросить от себя этот нарастающий ужас. Нужно действовать! Нужно защитить себя, свою семью, свое положение. Но как бороться с тем, чего не видишь, чего не понимаешь? Как сражаться с тьмой, когда она уже поселилась внутри тебя? Эти вопросы, подобно острым осколкам, ранили его душу, не давая покоя.

Аманд вышел от Корнея раздавленным, его сердце было полно противоречивых, неразрешимых чувств. Через некоторое время, осознав, что ему нужно все оставить и двигаться дальше, он принял трудное решение. Аманд оставил свою семью и передал заботы о них своему брату Густаву. Густав был старше, он обладал спокойствием и стабильностью, необходимыми для того, чтобы обеспечить благополучие семьи и работу завода в трудное время. Собрав все свои силы и идеи, Аманд отправился в Киев – город, где кипела жизнь и где он надеялся реализовать свой амбициозный проект. Его целью было создание вагона будущего – трамвая на электрическом двигателе.

Он нашел пристанище в небольшом кабинете над старым заводским сараем, где пахло смолой и машинной смазкой. Там он изготовил чертежи, переписал формулы и стал искать партнеров – инженеров, электриков, художников-конструкторов. Ночами, за которыми дышал только монотонный звук шин на мостовой, Аманд просчитывал каждый шаг: от требований к аккумуляторам до динамики системы управления. Он понимал, что трамвай будущего должен быть не только мощным и экономичным, но и доступным для пассажиров, простым в обслуживании и долговечным.

Сомнения иногда грызли его: останутся ли Густав и семья в безопасности без него? Сможет ли завод выдержать пик дефицита и ценовых качелей? Но каждый рассвет приносил новый порыв уверенности. Он начал сотрудничать с местной академией транспорта, нашел молодых инженеров, готовых рисковать идеей ради великой цели, и даже нашел финансиста, который верил в его видение, если тот сможет доказать экономическую состоятельность проекта, и вскоре забыл про сокровища Ивана Заруцкого.

Пионерский лагерь «Рассвет»

Во времена Революции усадьба Анино претерпела значительные перемены. От былого аристократического блеска не осталось и следа. Помещичьи хоромы, помнившие званые вечера, были переоборудованы в спальные корпуса и столовые. Барский сад, когда-то любовно взращиваемый садовниками, превратился в территорию пионерского лагеря «Рассвет».

В советское время исчезли фонтаны и беседки, на их месте появились спортивные площадки и эстрада для концертов. Розы и лилии уступили место грядкам с овощами, за которыми с энтузиазмом ухаживали юные пионеры. Вместо тихой музыки из окон теперь доносились бодрые марши и звонкие детские голоса, звенел детский смех, утро начиналось с поднятия советского флага под горн и барабаны. Усадьба зажила новой жизнью, полной оптимизма и веры в светлое будущее. На смену изящным дамам и господам в сюртуках пришли дети в красных галстуках и синих пилотках. В комнатах, где когда-то решались судьбы, теперь писались сочинения и разыгрывались сценки из советской истории. В библиотеке, где некогда хранились книги на французском и немецком языках, теперь стояли тома Карла Маркса и Владимира Ленина, а также произведения советских писателей. Место рояля в гостиной заняло пианино, на котором вожатые разучивали песни с детьми. Все говорило о новой эпохе, о новом мире, строящемся на руинах старого.

Имена семьи Струве были преданы забвению, а история усадьбы переписана заново. Теперь здесь звучали не рассказы о дворянских балах, а истории о героях-пионерах и подвигах советских людей. На месте, где сейчас росла высокая трава, располагалась волейбольная площадка. В здании, где теперь обитали лишь призрачные воспоминания, звучали песни у костра. По вечерам после отбоя старшие пионеры рассказывали друг другу страшные истории о лесе. Особенно популярной была легенда о Лесном Смотрителе – существе, охраняющем границы леса и способном насылать необъяснимый страх на любого, кто нарушит его покой. Тогда это были просто детские страшилки, способ развлечься в темноте. Говорили, что лагерь закрылся внезапно, без видимых причин. Просто однажды в конце смены дети и вожатые уехали, и больше никто сюда не вернулся. Ходили слухи о странных происшествиях, о необъяснимой панике среди детей, о шепоте, доносящемся из леса. Никто не хотел говорить об этом открыто, будто боялись потревожить что-то дремлющее.

Он ненавидел пионерский лагерь. Ему не нравился распорядок дня, обязательные мероприятия, шумные игры и назойливые вожатые. Забор, ограничения, отсутствие велосипеда. Он тосковал по дому, по свободе, по своим любимым книгам и играм. Каждый день тянулся бесконечно, и единственной мечтой было – сбежать. Он планировал побег уже несколько дней, присматривался к высокому бетонному забору, высматривал удобный момент.

Однажды, воспользовавшись моментом, когда все были заняты на футбольном матче, он перелез через забор и направился в лес. Он знал, что это опасно, что его будут искать и наказывать на глазах пионеров, но он уже не мог больше терпеть. Лес казался ему убежищем, местом, где он сможет побыть один, подумать о своем, найти дорогу домой. Шел долго по едва заметной тропинке, стараясь не шуметь. Он чувствовал себя загнанным зверем, мечтая о свободе. Вдруг тропинка вывела его на небольшую поляну, заросшую высокой травой. Он огляделся по сторонам и тут услышал треск веток. Из-за деревьев вышел высокий, худощавый мужчина в зеленом мундире. Это был Корней, местный егерь. Мальчик замер, готовый услышать гневные крики и угрозы. Но Корней посмотрел на него спокойно. Корней что-то почувствовал, когда увидел растерянного мальчишку. Но объяснить эти чувства не мог. Что-то смутное, щемящее, звучащее отголоском далекого прошлого. Что-то родное, будто кровь позвала, притягивала его к нему. В глазах мальчишки он увидел отражение самого себя – юношескую тоску, бунтарский дух, жажду свободы. Что-то в его лице, в его манере говорить, в его непокорном взгляде каза-

лось до боли знакомым. Он не мог понять, что именно, но ощущение родства становилось все сильнее.

– Что ты тут делаешь, парень? – спросил он хриплым голосом, стараясь скрыть внезапное волнение. – Одному в лесу гулять нельзя.

– Я... я хотел просто немного погулять, – съезжившись, выдал он из себя.

Корней внимательно посмотрел на него, словно прочитал его мысли. Он видел страх, обиду и отчаяние в этих детских глазах.

– Погулять? Далеко собрался? – Корней вздохнул и присел на поваленное дерево. – Лес – место хорошее, но опасное, особенно для таких беглецов, как ты. Вот, посмотри...

Корней достал из кармана мурмолку. Он привычно ощупал ее заглубевшими пальцами, словно прикасаясь к чему-то дорогому и личному. В его памяти всплыли обрывки воспоминаний – бабушкины сказки о лесных духах, легенды о пропавших кладках, таинственные истории о его предках, живущих в этих местах испокон веков. Корнею было около восьмидесяти. Высокий и сухошавый, он казался сотканным из самого леса – крепкий, молчаливый и немногословный, словно дуб, устоявший перед множеством бурь. Его лицо, изрезанное морщинами, было словно карта местности, каждая складка хранила память о лесных тропах, погодных невзгодах и встречах с дикими зверями. Его серые глаза, обычно спокойные и бесстрастные, сегодня, при взгляде на растерянного мальчишку, выдавали что-то смутное, глубоко запрятанное.

Много лет Корней охранял этот лес, зная каждый овраг, каждую поляну, каждую сосну. Он был не просто егерем, а скорее хранителем, чувствующим лес как самого себя. Годы одиночества научили его слышать шепот листвы, понимать язык птиц и зверей. Лес был его домом, его семьей, его единственным собеседником. В молодости Корней был другим. Горячим, импульсивным, полным энергии. Мечтал о путешествиях, о больших городах, о яркой жизни. Но судьба распорядилась иначе. Трагические события, произошедшие много лет назад, навсегда изменили его жизнь, оставив глубокую рану в сердце. Горечь утраты, чувство вины и одиночество заставили его укрыться в лесной глуши, подальше от людей, от воспоминаний, терзавших душу. Что-то родное, давно забытое вдруг проснулось в его душе при виде мальчика. Будто какая-то невидимая нить связывала их, пробуждая давно утихшие чувства. Он не понимал, что это. Родственная связь? Отголосок прошлой жизни? Предчувствие чего-то важного?

Его разум отказывался понимать происходящее, но сердце твердило одно: «Не отпускай его. Защити его».

– Видишь ли, малец, – начал Корней, словно рассказывая давно известную историю, – эта мурмолка принадлежала когда-то Ивану Заруцкому. А он был... личностью, скажем так, неоднозначной. Легенды о нем ходили разные. Кто говорил, что он отважным казаком был, а кто – что разбойником и колдуном. А зовут меня, малец, Корней Иванович, егерь я на службе у Аманда Струве.

Корней на мгновение замолчал.

– У нас в роду тоже были такие люди. Людьми леса их называли. Шептали, что они могли разговаривать с деревьями, видеть то, что скрыто от глаз простых смертных, чувствовать дыхание земли. Мой прадед, говорят, был именно таким. И я чувствую, что в тебе тоже есть что-то от этих людей. Какая-то искра... связь с этим местом. Бежать – это не выход, – продолжил Корней. – Ты не убежишь от самого себя, от своей судьбы.

Корней протянул мурмолку. На мгновение показалось, что он уже ее где-то видел, но взять в руки побоялся. Он вдруг вспомнил, как баба Маня доставала ту же самую мурмолку из сундука и рассказывала про защитные в ней сокровища.

– Лес умеет хранить секреты. И иногда эти секреты влияют на судьбы людей. Ты собирался бежать, да? А ты знаешь, куда бежать? Что тебя там ждет?

– Домой... – голос мальчика прозвучал хрипло, словно долго не использовался. – Там... ничего хорошего.

В памяти мгновенно всплыла картина: полумрак в маленькой комнате, запах дешевого табака и готовящегося ужина. Мать жарила картошку со свиными шкварками.

– Мама... Она будет рада, наверное. Но... ей некогда. – Он замялся, перебирая в памяти события последних месяцев. – Она вечно на работе, в две смены. Деньги копит на сберкнижке, мебель покупает, думает, что вот-вот дом снесут и квартиру дадут.

В его словах звучала горечь и смирение, перемешанные с детской обидой. Он чувствовал связь с матерью, особую любовь и внимание.

– Витьку, мужика она себе нашла, как только отец умер... – Он скривился, словно от горького вкуса. – Он хороший, наверное. Он хочет, чтобы я вел себя прилично, не хулиганил, спички не поджигал дома, ходил в школу, занимался... И не задавал лишних вопросов. А я... я не могу. Мне противно на все это смотреть и жить с ними.

Он опустил глаза, рассматривая замысловатый узор мурмолки в руках Корнея. И Корней вдруг увидел отражение своей собственной, потерянной в суете взрослой жизни души. Он почувствовал, как внутри поднимается волна отчаяния.

– Там... скучно. Там пусто. Ничего не осталось, кроме... кроме одиночества. И я не хочу так больше. Мне кажется, я вас знаю, Корней Иванович, мне бабушка рассказывала... – Мальчик поднял голову, его глаза, полные слез, смотрели прямо на Корнея. – Я не знаю, что делать. Я просто... устал. Устал притворяться, что все хорошо. Устал быть невидимым.

Он вернулся в лагерь, оставив Корнея с его мурмолкой и своими собственными, внезапно выплеснувшимися откровениями. Лагерь – громкое слово для обветшалого домика, покосившейся веранды и заросшего бурьяном двора. Рассвет – как иронично, учитывая царившую здесь тьму. Не только физическую, но и душевную. Он бросил свой рюкзак на скрипучий пол, рядом с потрепанным матрасом, служившим ему постелью. В комнате пахло плесенью и затхлостью – запахами, ставшими для него привычными. Он сел на матрас, чувствуя, как пружины впиваются в тело. Захотелось плакать, но слез больше не было. Он выплакал их все, кажется, еще в детстве. Теперь осталась только ноющая, всепоглощающая пустота. Он чувствовал себя старше, чем его умерший отец, и в то же время беспомощнее младенца. Он вспоминал слова Корнея, его мудрые глаза, его тихий, спокойный голос. Корней, казалось, видел его насквозь, понимал то, что он сам не мог сформулировать. Может быть, Корней знал ответы на его вопросы? Может быть, он мог помочь ему выбраться из этого болота отчаяния? Может быть, он мог научить его жить?

Он поднялся с матраса и подошел к окну. За окном, за заросшим бурьяном, начинался лес. Темный, таинственный, пугающий и притягательный одновременно. Он вспоминал рассказы бабушки о лесных духах, о таинственных существах, обитающих в глуши. Раньше он не верил в эти сказки, считал их выдумками старой женщины. Но сейчас, глядя на лес, он чувствовал, что в них есть какая-то правда. Он вспомнил рассказы о семье Струве, о сокровищах, спрятанных в лесу. Он никогда не искал клад, не верил в его существование. Но сейчас в его голове мелькнула мысль: а что, если...? Что, если сокровища действительно существуют? Что, если они могут изменить его жизнь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.